

Сунь Фэй, с глазами, полными ярости, закричал: «Цзи Саньмэй! Ты...»

Цзи Саньмэй усмехнулся: «Я уже полтора месяца не получал от брата Шэня писем с вестями о благополучии, а ты, господин Сунь, умудряешься получать жалобы от заклинателей. Ты и вправду вездесущ».

Хотя все присутствующие знали, что старший сын семьи Цзи и третий сын семьи Шэнь — закадычные друзья, в воздухе явственно запахло чем-то кислым.

Цзи Саньмэй сказал: «Впрочем, твоё оправдание, господин Сунь, неверно. Сейчас последователи демонического пути Юньян изо всех сил осаждают Линтин, пытаюсь вынудить брата Шэня оттуда уйти. Их письма не могут быть отправлены, а твои — запросто могут попасть в руки этих яо».

Он добавил: «Эти письма — от того самого Ло Луня? Он хотел, чтобы ты зачитал их перед всеми и сместил брата Шэня? Господин Сунь, это нехорошо».

Каждое его слово было направлено на то, чтобы пригвоздить Сунь Фэя к позорному столбу.

Сунь Улян, восседавший наверху, сверкнул глазами и махнул рукой, веля Сунь Фэю отступить.

Он сказал: «Я проверю, подлинно ли это письмо».

Сделав этот жест, он добавил, дабы обозначить свою позицию: «Сунь Фэй, впредь на совещаниях тебе лучше воздерживаться».

Сунь Фэй стиснул зубы, устремив на Цзи Саньмэя мрачный, злобный взгляд.

По окончании собрания Цзи Саньмэй собрал со стола оставшиеся сладости, чтобы забрать с собой, и оказался в хвосте толпы.

Когда он вышел из дворца и начал спускаться по ступеням, перед глазами у него вдруг потемнело, он кубарем полетел вниз и скатился до самого низа. Если бы не Вэй Юань, который вернулся за ним, он пролежал бы на земле ещё долго.

Шэнь Фаши, сердце которого разрывалось от боли, не мог его поднять и лишь смотрел, как Вэй Юань грубо хлопает Цзи Саньмэя по щекам: «Очнись!»

Цзи Саньмэй пришёл в себя, отстранил его руку, оглянулся на лестницу, с которой скатился, и усмехнулся: «Отлично, сэкономил силы на спуске».

Он добавил: «Юань, не бей по лицу. Наверное, завидуешь, что я красивее».

На лбу Вэй Юаня вздулись вены: «Ты на себя в зеркало посмотри — на покойника похож».

«Всё равно красивее тебя», — Цзи Саньмэй зевнул. — «Не завидуй. Разве что переродишься — тогда может сравняемся».

Пальцы Вэй Юаня хрустнули.

Чёрт, да он просто напрашивается!

Чжоу Ижэнь, услышав шум, тоже вернулась. Окинув Цзи Саньмэя взглядом и убедившись, что вокруг нет лишних ушей, она прямо спросила: «Ты немало сил потратил, чтобы подделать то

письмо, да?»

«Ошибка», — Цзи Саньмэй покачал пальцем, вяло доставая из-за пояса курительную трубку, чтобы взбодриться. — «Я сделал несколько десятков похожих писем, все при себе ношу. Для каждого, кто может навредить брату Шэню, я подделал письмо, сымитировав почерк и печать. На всякий случай».

Он бросил на них взгляд и добавил: «Не волнуйтесь, ваших там нет».

Вэй Юань и Чжоу Ижэнь: «...» Не то чтобы это их обрадовало.

Чжоу Ижэнь: «Ты людей насмерть задеваешь. Что будешь делать? Ваш род Цзи корнями не глубоко ушёл. Вырвать тебя — проще простого».

Вэй Юань покосился на неё.

...С какой это стати она вообще такое говорит.

«Кто никого не задевает — тот старый козёл: и доит, и шерсть стрижёт, а травы не даёт», — Цзи Саньмэй потер глаза. — «Если я никого не задену, пострадает брат Шэнь».

Он снова зевнул, снял маску, и на его лице появилась та самая улыбчивая, раздражающая физиономия: «...Вы что, беспокоитесь обо мне?»

Вэй Юань трижды плюнул: «Пошёл вон!»

Чжоу Ижэнь была очень высока, с длинными ногами, тонкой талией, пышной грудью и широкими бёдрами — почти одного роста с Цзи Саньмэем. Она положила руку ему на голову, пригнула её к себе и прошептала на ухо: «...А я могу тебе помочь. Хочешь?»

Что именно Чжоу Ижэнь сказала Цзи Саньмэю, Шэнь Фаши так и не услышал — его с силой оттянуло обратно в Линтин.

Едва накопив достаточно сил, чтобы вернуться в Чжуинь, он, преодолевая мучительную головную боль, поспешил обратно в город Чжуинь.

Он добрался до города через несколько дней, глубокой ночью.

Он обыскал все места, где мог быть Цзи Саньмэй: дом Цзи, «Ветер над рекой», дворец Чжуиня — но нигде его не нашёл.

Шэнь Фаши начал беспокоиться.

Пришлось, стиснув зубы от головной боли, вызванной истощением духа, обходить дом за домом в поисках Цзи Саньмэя.

Поэтому, когда он, в полубессознательном состоянии, переступил порог дома Сунь и услышал разговор Сунь Уляна и Сунь Фэя, ему на мгновение показалось, что это сон.

Сунь Фэй, сидя в уютном цветочном павильоне, в ярости стучал по столу: «Этот Цзи Саньмэй просто не знает меры! Сегодня он снова перед всеми знатными отпрысками надо мной насмеялся! Кто он такой вообще?! Старший брат, неужели ты позволишь ему так своевольничать?»

«Наш Чжуинь сейчас в опасности, здание вот-вот рухнет. Знатная молодёжь вся в панике, не знает, удержится ли Линтин, не повторит ли Чжуинь судьбу Лунгана... Сейчас нападать на Цзи Саньмэя нам невыгодно», — Сунь Улян поглаживал чайную чашку. — «Он полезный талант. Нужно его должным образом привлечь на свою сторону».

Сунь Фэй на секунду усомнился в своём слухе: «Старший брат?»

Сунь Улян поднял глаза и с улыбкой повторил, делая акцент на последних словах: «...Неприменно нужно его должным образом привлечь».

Затем он добавил: «А разве его положение не кажется тебе особенно удачным?»

На лице Сунь Фэя появилось задумчивое выражение.

Сунь Улян тихо произнёс: «...Старший сын Биньци, перешедший на сторону Чжуиня, служащий нашему Чжуньиню, приложивший огромные усилия при присоединении Лунгана... Для Чжуиня он — идеальный герой».

Он с улыбкой поднял чашку в сторону проясневшего Сунь Фэя: «Чжуньиню нужен такой герой. И если этот герой падёт от рук последователей демонического пути Юньян, защищая Чжуинь, он станет настоящим героем».

Сунь Фэй оживился, подавшись вперёд: «Старший брат хочет сказать, что мы должны его возвысить?»

«Возвысить, конечно, возвысить», — Сунь Улян снял чайной крышкой пенку. — «Раз он готов ради своего брата Шэня в огонь и в воду, я дам ему этот шанс. Завтра я пошлю в дом Цзи приглашение, поручу ему составить воззвание против демонического пути Юньян, а затем распространю его, чтобы все странствующие заклинатели узнали, что мы ведём праведную войну. Что же до него самого...»

Сунь Фэй хихикнул: «...Высокое дерево ветрам ловко. Смерть его — вопрос времени».

Сунь Улян улыбнулся: «Я, Сунь Улян, не против оставить ему после смерти славное имя. И не против дать Шэнь Фаши понять, как его преданный друг отдал за него жизнь».

Шэнь Фаши стоял в полушаге от них. Кровь прилиwała к голове волнами, горло сжималось.

Он попытался положить руку на шею Сунь Уляна, но невидимая преграда отделяла их, словно пропасть.

Даже когда братья покинули цветочный павильон и разошлись по своим покоям, Шэнь Фаши оставался на месте.

Спустя долгое время он с трудом проглотил привкус крови во рту и ушёл.

Шэнь Фаши бродил по улицам Чжуиня, потерянный и растерянный.

На передовой царил огонь и дым, картины были ужасны. Он должен был бы воспользоваться моментом и насладиться нынешним сиянием огней и покоем Чжуиня, но, бродя здесь, он чувствовал себя чужим, не знающим дороги домой.

Судя по временной линии его снов, в это время Шэнь Фаши в Линтине сталкивался со второй осадой последователей демонического пути Юньян. И, согласно требованиям поддержания

мира снов, через три дня он будет вынужден отступить из Линтина, чтобы через месяц вновь его отбить, а затем три месяца оборонять город в тяжёлых условиях.

...Тогдашний он, из последних сил держась в Линтине, думал лишь об одном: как только закончится эта битва, он вернётся в Чжуинь и обязательно проведёт с Цзи Саньмэем целый месяц, каждый день будет на него смотреть, даже если тот будет над ним смеяться, его соблазнять и выводить из себя — он ни на шаг от него не отойдёт.

Но он и не подозревал, что Цзи Саньмэй умрёт именно так.

...Из-за него...

Погружённый в тяжёлые мысли, Шэнь Фаши обогнул угол и неожиданно наткнулся взглядом на Цзи Саньмэя, спавшего, прислонившись к стене.

Шэнь Фаши подумал, что ему померещилось, отступил на шаг и поднял голову.

Над головой Цзи Саньмэя висела огромная золотая табличка, с позолотой и резьбой, на которой были выведены два иероглифа: «Дом Шэня».

<http://bllate.org/book/16281/1466376>